

Матамунэ — так звали этого кота.

Матамунэ с довольным мурлыканьем потерся о его ладонь:

— Ну вот, я уже почти поправился.

Асакура Хао невольно улыбнулся. Он уже очень давно не улыбался так искренне.

— Хозяин, мы ведь всегда будем вместе? — Матамунэ тревожно посмотрел на него. — Ты ведь не бросишь меня, правда?

Асакура Хао замер, а затем прошептал:

— Вот как? Значит, и тебя когда-то выбросили?

Он прижал кота к себе, нежно и с жалостью поглаживая его по шерстке:

— Да, я не брошу тебя. Мы всегда будем вместе.

Слава об Асакуре Хао росла вместе с его силой, но одновременно с этим становились все заметнее косые взгляды и неприязнь окружающих.

Никому не хочется, чтобы кто-то другой видел его насквозь, особенно людям, стоящим у власти. Способность Хао к чтению сердец была для них как бельмо на глазу, не говоря уже о его пугающем могуществе.

Отношения между ними становились все более напряженными.

Конфликт вспыхнул внезапно.

Это случилось глубокой летней ночью. Воздух пропитался тяжелым запахом крови.

На земле лежала груда тел. Асакура Хао стоял перед ними, и в ночной темноте невозможно было разглядеть выражение его лица. Лишь заклинание оммёдо вспыхнуло, превращая все трупы в пепел.

Матамунэ не понимал.

Он не мог осознать, что произошло.

Этот человек, который спас его, когда он умирал; этот человек, который так нежно его обнимал, улыбался ему и гладил по голове теплой ладонью; этот человек, чья мягкость порой казалась такой печальной — как он мог быть таким жестоким и кровавым?

В груде тел на земле было не разобрать, кто есть кто.

Среди них было немало стариков и детей. Тех самых детей, которые порой подшучивали над котом, а порой с любовью прижимали его к себе и угощали лакомствами.

Тех самых стариков, упрямых и консервативных, но в душе добрых, которые всегда радостно улыбались, завидев его.

— Это вовсе не его вина, — внезапно раздался голос, полный злой иронии.

Матамунэ настороженно отступил на два шага.

Цзун Цин, прислонившись к руинам, насмешливо смотрела на котенка:

— Люди не способны совладать с силой чтения сердец. Если сердце поглощено демонами, то даже самый нежный человек превратится в чудовище.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Матамунэ.

— Разве ты не знаешь? — Цзун Цин приподняла бровь. — Маленький Асаха, то есть Асакура Хао, обладает чтением сердец, то есть способностью видеть истинную суть человеческой души.

— Я это знаю! — нетерпеливо перебил ее Матамунэ. — Я спрашиваю о том, почему его сердце должно быть поглощено демонами?

Цзун Цин усмехнулась:

— Ты что, надеялся получить такую редкую способность, не заплатив никакой цены?

Матамунэ оцепенело смотрел на нее:

— Ты его подруга? Помоги ему!

— Помочь ему? — Цзун Цин подперла подбородок рукой, ее улыбка была злой и причудливой.
— Зачем мне ему помогать? Разве это не забавно?

Матамунэ отступил еще на шаг, с ненавистью глядя на нее:

— Я помогу ему сам! Я не позволю ему так опуститься!

Кот развернулся и убежал.

Вслед ему неслись низкие, полные злобы смешки, от которых кровь стыла в жилах.

Цзун Цин взмахнула рукой, рассеивая барьер. Ей не нужен был барьер, чтобы оставаться незамеченной для маленького Асахи, но коту он был необходим.

— Какой наивный милашка, — проговорила она.

— Скорее, просто глупый бедняга, — холодно отозвался Ито Идзуми, прижимая к себе меч.

Улыбка Цзун Цин стала шире:

— О, пожалуй, ты прав.

Все еще стояла глубокая ночь. Асакура Хао, обессиленный, сполз по стене на землю. Боль в теле меркла по сравнению с чувством пустоты. Он пристально смотрел на кота перед собой.

Это было единственное существо в мире, к которому он привязался, его единственная опора и тепло. И именно оно привело его к тому, что случилось сейчас.

Асакура Хао прижал ладонь ко лбу и опустил голову. Внезапно он рассмеялся.

В этом смехе было столько отчаяния и боли.

Матамунэ мелко дрожал, но не собирался отступать. Он верил, что Хао не хотел этого, не хотел убивать тех людей.

В глазах кота он оставался нежным человеком, который просто не мог совершить подобное по своей воле.

Поэтому он должен был остановить его.

Он не хотел, чтобы руки такого доброго Хао были запятнаны кровью.

Как только оммёдзи закончил читать заклинание, духи-хранители ослепительно вспыхнули.

Асакура Хао закрыл глаза, а когда открыл их снова, обстановка изменилась. Вокруг него стояли деревья, небо было ясным, ветерок шелестел листвой, издавая мягкий звук.

Цзун Цин стояла перед ним.

Асакура Хао поднял взгляд:

— Это была ты, верно? Цзун Цин. Ты заставила Матамунэ предать меня.

Цзун Цин пожала плечами:

— Я просто сказала ему пару слов. Кто же виноват, что это маленькое существо такое доверчивое? Наверное, он до сих пор думает, что действует тебе во благо. Впрочем, его нельзя винить — ты сам вел себя с ним так нежно и оберегал настолько сильно, что он совершенно не понимал твоего истинного положения.

Асакура Хао сжал кулаки:

— Я не понимаю, Цзун Цин.

Он не понимал, почему даже она так с ним поступает!

Цзун Цин склонилась к нему и тихо рассмеялась. Она прижала его к плечам и поцеловала в губы.

Асакура Хао широко раскрыл глаза. Лишь когда грубый поцелуй смешался с привкусом крови, он пришел в себя от боли.

Он попытался оттолкнуть ее, но его руки были легко перехвачены. Цзун Цин прошептала:

— Будь послушным. Я всего лишь немного поиздеваюсь над тобой, не больше.

С этими словами она принялась расстегивать его одежду.

— Отпусти меня, Цзун Цин! — он не был совсем несведущ в подобных делах, но опыта у него не было, и такая грубость инстинктивно вызывала у него страх.

Рука Цзун Цин скользнула вниз, сжимая его, и она тихо прошептала:

— Маленький Асаха вырос.

— Отпусти! — он начал беспорядочно сопротивляться, но для Цзун Цин его сил было недостаточно, чтобы хоть как-то ей помешать.

— М-м, не нравится? Ну хорошо, — сказала Цзун Цин и действительно отпустила его, но ее пальцы тут же проникли глубже.

— У-у! — от ощущения вторжения его лицо стало мертвенно-бледным.

Цзун Цин тихо засмеялась и продолжила.

Когда она коснулась определенного места, его тело напряглось, и волна странной истомы пробежала по позвоночнику.

В замешательстве он понял, что боль может быть приятной — он никогда не думал, что эти два чувства могут смешиваться.

Эхо разрядки еще не успело утихнуть, как в плече, сзади, он почувствовал резкую, пронзительную боль.

<http://bllate.org/book/20834/2099555>